

Глава 5

— Я спросил, что ещё ты разузнал у старосты?

Едва Цзи Хуайчжэнь позволил Яньчи остаться при себе, он тут же использовал его как живую подушку, заставив сесть рядом. Глядя, как наставник прислоняется к нему, юноша напрягся, застыв всем телом. Ему хотелось обнять того за плечи, но он стеснялся.

— Он ещё сказал... сказал, что ты отправляешься к Ижун вершить великие дела. Если всё получится, то тебя ждёт повышение, а мне велел и не мечтать о подобном.

— Жалуешься?

Цзи Хуайчжэнь устроился в его объятиях поудобнее и прикрыл глаза, собираясь вздремнуть.

Яньчи тотчас же залился краской и тихо возразил. Затем, словно что-то вспомнив, он смущённо произнёс:

— Кажется, ты хорошо знаком с такими местами, как «Хунсю Тяньсян». Ты часто так ведёшь себя со слугами?

— Как «так»?

— Вот так... — его пальцы шевельнулись, и он, наконец, решился обнять Цзи Хуайчжэня, незаметно отодвигаясь назад и неловко меняя позу.

Видя это, Цзи Хуайчжэнь в душе посмеивался над ним.

«Неопытный юнец, не видевший мира. В обычных семьях юноши в шестнадцать-семнадцать лет уже становились отцами, а этот, похоже, ничего не понимал. Полный юношеского пыла, он возбудился в публичном доме, просто наблюдая за чужими поцелуями. Наверняка он думал лишь о Лу Шии и не желал близости с другими»

Он нарочно спросил:

— А по-моему, ты тоже весьма искущён. Со сколькими уже было «так»?

— Не было у меня такого! — обиженно воскликнул Яньчи. — У меня даже служанки никогда не было.

Цзи Хуайчжэнь заподозрил неладное.

«Откуда в обычной семье деньги на служанку?»

— ...Матушка говорила, что так можно только с тем, кого любишь.

Взгляд Яньчи забежал — очевидно, он не привык обсуждать подобные темы. Цзи Хуайчжэнь с любопытством наблюдал за ним, дивясь, из чего сделана кожа этого юноши — до того она была тонкой.

— Что ж, ты мне тоже нравишься. Что плохого в том, чтобы быть с тобой ближе?

Юноша замер, судорожно втянув воздух. В голове его повторялось лишь слово «нравишься», остальное он уже не слышал, позволяя собеседнику играть со своей рукой.

«Мне хочется немедленно затащить его в постель, поиграть с ним, а затем, под личиной Лу Шии, жестоко бросить. А после заставить собственными глазами увидеть, как я убиваю людей», — эта реакция вызвала у Цзи Хуайчжэня внутреннюю усмешку.

Он прижался ещё теснее. Яньчи, смутившись, отодвинулся назад, постепенно оказываясь зажатым в углу. Не в силах больше терпеть, он схватил руку, что уже пробиралась под его одежду, и хрипло выдохнул:

— ...Мой старший брат говорил, что так можно только после свадьбы.

Цзи Хуайчжэнь почувствовал, как от лица собеседника исходит жар.

— Матушка говорила, старший брат говорил... А ты сам что скажешь?

Яньчи отвёл блуждающий взгляд к окну. В его штанах уже отчётливо виднелся бугорок. Он мёртвой хваткой вцепился в руку Цзи Хуайчжэня, защищая свою одежду.

— Ладно, ладно... я просто шучу. Неужели ты и впрямь принял меня за какого-то распутного негодяя? — Цзи Хуайчжэнь с улыбкой отстранился, но его взгляд, подобно острому лезвию, словно раздевал Яньчи, оглядывая с головы до ног.

Слова прозвучали легкомысленно, но, если бы юноша не оборонялся так отчаянно, одежда с него была бы уже сорвана.

— Прошлой ночью я плохо спал. Подойди, дай на тебя опереться. Когда приедем, разбудишь.

— Что с тобой?

— Хм, а кто это с первой же нашей встречи заявил, что пойдёт за мной? И мне даже подумать об этом нельзя? Думал, да не придумал, пытался забыть, да не смог. Вот и не спал всю ночь, а с утра пораньше помчался в «Хунсю Тяньсян», даже делами не занялся. А кому-то, я смотрю, всё нипочём — даже в дровяном сарае спится сладко.

Цзи Хуайчжэнь притянул его к себе и снова свернулся у него на груди. Он услышал, как Яньчи сглотнул. Очевидно, очередная порция сладких речей снова вскружила тому голову, и он потерял счёт сторонам света.

Яньчи, ошеломлённый и безмерно счастливый, застыл. Сердце его бешено колотилось, все наставления матери и брата вылетели из головы. Некоторое время он просто глупо улыбался, и лишь потом вспомнил спросить:

— А что именно тебе во мне нравится?..

Не услышав ответа, он разочарованно взглянул вниз и увидел, что человек в его объятиях уже давно спит. Юноша осторожно поправил позу, чтобы тому было удобнее. Он лишь смутно понял, что они едут в гору. На полпути он проголодался, но при себе у него была лишь пачка пирожных «юньпяньгао». Он открыл её, но не решился есть. Вспомнив, что Лу Шии любит это лакомство, он отложил целые кусочки, а сам принялся слизывать крошки со дна.

Сначала Цзи Хуайчжэнь лишь притворялся спящим, не смея терять бдительность. Но в объятиях Яньчи он и вправду заснул и проснулся, лишь когда его позвал слуга.

Конюх уже собирался опуститься на землю, чтобы послужить Цзи Хуайчжэню ступенькой, но тот остановил его одним взглядом. Юноша, следовавший за ним, спрыгнул с повозки и подал плечо для опоры.

Подъём в гору был труден, и Цзи Хуайчжэнь, не желая утруждаться, протянул Яньчи руку, чтобы тот вёл его.

— Вверх по этой тропе, на самой вершине есть место, что зовётся Соляным источником.

Тот с радостью принял эту обязанность, расчищая дорогу впереди. В конце концов, Цзи Хуайчжэнь и вовсе обленился, не желая идти, и просто запрыгнул Яньчи на спину. В живописном месте, где тропа заканчивалась, стоял каменный монумент, а за ним — источник, который, сливаясь в ручей, устремлялся вниз по склону.

Источник этот располагался с востока на запад, а почва вокруг него была багряно-красной, что соответствовало изречению «пурпурная ци приходит с востока». Издревле императорские указы и письма запечатывали пурпурной глиной, взятой именно отсюда.

Цзи Хуайчжэнь спрыгнул на землю, и стук его сапог вспугнул нескольких отдохавших здесь птиц. Не дожидаясь приказа, слуги уже подошли, чтобы набрать глины.

Яньчи оказался весьма догадлив и лишних вопросов не задавал. Цзи Хуайчжэнь как бы невзначай обратился к нему:

— Ты раньше долго жил в Шанцзине?

— Приехал в семь лет, прожил около семи лет.

— Один?

— С матушкой и старшим братом.

При упоминании столицы выражение лица Яньчи стало странным. Он с надеждой посмотрел на собеседника, всё ещё принимая его за Лу Шии и ожидая, что тот что-то вспомнит. Но Цзи Хуайчжэнь притворился, что ничего не понимает, и, улыбнувшись, ответил:

— Опять ты за своё. Только и слышно: «старший брат» да «матушка». Почему об отце не упоминаешь?

Лицо юноши на миг омрачилось. Он коротко ответил:

— Отец меня не слишком любил.

— Твоя мать — наложница? — догадался Цзи Хуайчжэнь.

Тот промолчал, но спустя мгновение кивнул. Цзи Хуайчжэнь хотел было выведать что-нибудь ещё, но Яньчи внезапно выпрямился и обернулся. Он настороженно вглядывался в лес.

— Кто-то идёт.

Его резкое замечание застало сопровождавших охранников врасплох. Они тут же выстроились, прикрывая Цзи Хуайчжэня.

— На лошадях, около десяти человек. Твои люди?

Яньчи инстинктивно заслонил Цзи Хуайчжэня собой и, затаив дыхание, нахмурился, вслушиваясь в едва различимые звуки в лесу. В следующую секунду он резко распахнул глаза. Одновременно с этим раздался свист летящей стрелы, направленной прямо в лицо Цзи Хуайчжэню.

Охранник рядом даже не успел понять, что произошло. Кто-то крепко схватил его за руку, державшую меч, и дёрнул. Раздался лязг металла — Яньчи одним движением сбил стрелу, и та, перерубленная надвое, упала к его ногам. Он перехватил меч и выставил его перед собой. Охранники уже собирались вздохнуть с облегчением, как вдруг Яньчи снова предупредил:

— Это ещё не конец.

Цзи Хуайчжэнь, который до этого бесстрастно наблюдал за ним, услышав эти слова, не смог скрыть удивления. Едва прозвучали эти слова, как раздался звук натягиваемых тетив, и семь или восемь стрел вонзились в землю на расстоянии выстрела от них. Стук копыт становился всё ближе, и из-за деревьев показался небольшой отряд всадников, который быстро окружил их.

Предводитель, облачённый в доспехи, выглядел внушительно, от него исходила трудно скрываемая аура убийцы. Увидев Цзи Хуайчжэня, он замер, сначала посмотрев на лицо, затем на нефритовую подвеску. Он с трудом сдержал коня, поднял руку, приказывая солдатам опустить оружие, и удивлённо произнёс:

— Господин Лу?

Это был старый знакомый. Цзи Хуайчжэнь улыбнулся и поклонился:

— Капитан Лян.

Этого человека звали Лян Чунгуан, в армии Великой Ци он был известен своей упёртостью, твёрдой, как камень в отхожем месте. Пройдя путь от безымянного солдата до ланцзяна Хуайхуа, он из-за давних событий умудрился обидеть Цзи Хуайчжэня. Естественно, нашлись те, кто, желая угодить Цзи Хуайчжэню, стали чинить ему препятствия. В итоге его сослали в эту захудалую область Фэньчжоу на никчёмную должность.

Цзи Хуайчжэнь знал, что Лян Чунгуана перевели в Фэньчжоу, но полагал, что тот займёт в армии важный пост, и их пути не пересекутся. Кто бы мог подумать, что этот болван снова кого-то разозлит и будет отправлен охранять Соляной источник.

— Здесь не место для долгих разговоров, господин Лу. У вас есть срочные дела?

— Я по приказу Его Величества направляюсь в Чилэчуань. Фэньчжоу — лишь перевалочный пункт. Вчера, прибыв на место ночлега, я обнаружил, что пурпурная печать на указе повреждена. Я пришёл сюда, чтобы взять немного глины и восстановить её.

Яньчи сжимал меч, настороженно глядя на Лян Чунгуана.

— Есть ли у вас указ Его Величества? — капитан оставался невозмутим, действуя строго по

уставу.

Цзи Хуайчжэнь покачал головой.

— Раз указа нет, простите, но я не могу подчиниться. Впереди идут напряжённые бои, поэтому прошу господина Лу как можно скорее отправиться в Чилэчуань на переговоры о мире.

Как только он закончил, солдаты Лян Чунгуана выстроились в ряд, преграждая путь к источнику. Уголок рта Цзи Хуайчжэня дёрнулся. Он подумал, что солдаты похожи на своего командира. Лян Чунгуан был не из тех, с кем можно было спорить. Цзи Хуайчжэнь не смел выказывать гнев, чтобы не выдать себя, и, сглотнув обиду, с улыбкой произнёс:

— Капитан Лян прав, это я не подумал. — Он похлопал Яньчи по руке, давая знак опустить меч, и уже собирался уходить, когда Лян Чунгуан снова преградил ему путь. С непроницаемым лицом он твёрдо сказал: — Прошу господина Лу не усложнять мне службу.

Цзи Хуайчжэнь кипел от злости, ему хотелось пнуть его. Он подумал, что с такой преданностью Лян Чунгуану впору быть сторожевым псом. Видя, что тот не отступит, Цзи Хуайчжэнь приказал своим людям бросить обратно пурпурную глину. Только после этого солдаты позволили им уйти.

Всю дорогу обратно они молчали. Цзи Хуайчжэнь молчал от злости, его спутники — боясь попасть под горячую руку. Лишь Яньчи, ничего не замечая, взял его за руку, заставил залезть к себе на спину и так и нёс вниз с горы.

— Не сердись. Тебе так нужна эта глина? Я запомнил дорогу, ночью схожу и принесу тебе.

— Не нужно, — раздражённо ответил Цзи Хуайчжэнь.

— Тебе очень не нравится тот капитан Лян? — спросил юноша, подтягивая наставника повыше на спине.

Цзи Хуайчжэнь замер, не ожидая, что тот так чутко уловил его настроение. Он не решился говорить много и лишь неопределённо хмыкнул:

— Гражданские чиновники и военные всегда были не в ладах.

Они вернулись в гостиницу лишь с наступлением темноты. После ужина Яньчи с надеждой и в то же время с нерешительностью смотрел на Цзи Хуайчжэня. Тот делал вид, что ничего не замечает, и не начинал разговор первым. В конце концов, юноша с тоской и разочарованием

произнёс:

— Тогда я пойду.

— Куда? — притворно обеспокоился Цзи Хуайчжэнь.

— В «Хунсю Тяньсян».

— Зачем тебе возвращаться в «Хунсю Тяньсян»?

— Спать...

— А, так тебе нравится спать в деревянном сарае.

Яньчи замолчал, обиженно глядя на него.

— Ну что ты, глупый или притворяешься? Раз уж ты пошёл за мной, неужели я позволю тебе вернуться в сарай? — Цзи Хуайчжэнь указал на комнату. — У меня ещё есть дела, а ты пока подожди меня в комнате.

Тот замер. Неизвестно, о чём он подумал, но его лицо вспыхнуло, и он, заикаясь, произнёс:

— Я... моя матушка говорила, что так можно только после свадьбы. Мы ведь только познакомились. Не... нехорошо. Я... мне ты и правда нравишься, но... не для того, чтобы этим заниматься. Ты неправильно меня понял.

«Это ты меня неправильно понял, идиот!» — подумал Цзи Хуайчжэнь.

Он с невинным недоумением ответил:

— Насколько я помню, это говорил твой старший брат. А матушка говорила, что так можно только с тем, кого любишь.

Юноша вспомнил поведение собеседника в повозке и инстинктивно схватился за одежду. Цзи Хуайчжэнь рассмеялся:

— О чём ты только думаешь? Я ведь не договорил. Я не привык спать с кем-то в одной постели. Попроси принести ещё один тюфяк и спи на полу. Мыть ноги и обтирать тело мне не нужно. Если захочешь спать — ложись, не жди меня. Если проголодаешься — найди себе что-нибудь поесть. Я видел, ты сегодня съел всего две миски риса. Наверное, не наелся.

Яньчи замер, снова околдованный сладкими речами. В его голове осталась лишь одна мысль: «Он помнит даже такие мелочи». Увидев, что Цзи Хуайчжэнь собирается уходить, юноша вдруг что-то вспомнил и с тревогой напутствовал:

— Ты не ходи никуда один. Куда бы ни шёл, зови меня.

Цзи Хуайчжэнь приподнял бровь:

— Ещё ничего не было, а ты уже хочешь меня контролировать? Об этом поговорим позже.

Юноша энергично затряс головой. Слово «позже» из уст Цзи Хуайчжэня едва не лишило его чувств. Собравшись с мыслями, он серьёзно сказал:

— Нет, я не об этом. Сегодня в тебя стреляли. Я отбил стрелу, но этот человек был не с капитаном Ляном. Наоборот, когда появился капитан, стрелок поспешно скрылся.

Цзи Хуайчжэнь улыбнулся и, глядя на собеседника, кивнул:

— Понял.

Только тогда Яньчи ушёл. Цзи Хуайчжэнь проводил его взглядом до самой комнаты и, подождав еще немного, чтобы убедиться, что тот не выйдет, направился в конец коридора. Он толкнул дверь, вошёл и легонько постучал по оконной раме — всё тот же тайный знак, три длинных и два коротких стука.

Он сел за стол и низким голосом приказал:

— Спускайся.

<http://bllate.org/book/15318/1358008>